

Линь Мао не был дураком: он прекрасно видел, как в глазах мужчины, устремленных на него, разгорается пламя желания. Он помнил всё, что происходило в период его амнезии, знал, как под властью этого самого желания он сам, по своей воле, раскрывался навстречу и лънул к Хань Сяо.

Теперь, когда разум прояснился, он понимал: даже если подобные вещи неизбежны, заставить себя проявить инициативу он не мог.

И всё же, судя по настрою Хань Сяо, возвращение в больницу было возможно лишь таким путем.

Боже, неужели так забавно играть с ним?

Линь Мао горько усмехнулся. Закрыв глаза, он подался вперед и коснулся губами щеки Хань Сяо.

Тот не шелохнулся, лишь обжигающий взгляд был прикован к его лицу. Линь Мао набрался смелости, распахнул глаза и подался вперед, впиваясь в губы Хань Сяо.

Его неуклюжие движения вызвали у мужчины низкий смешок.

— Давай, открывай рот, я научу тебя, — прошептал Хань Сяо. Его мужское достоинство уже готово было разорвать ткань брюк, но он сдерживался, направляя скользкий язык Линь Мао в свой рот, а затем, сплетаясь с ним, увлекая обоих в бездну наслаждения.

Это была близость, в которой они идеально подходили друг другу. И Линь Мао, и Хань Сяо испытали такой пик удовольствия, какого не знали прежде.

Хань Сяо сдержал слово: на следующий день он разрешил Линь Мао свободно выходить из дома, однако снабдил его трейкером и приставил двух телохранителей.

Двухмесячный отпуск, предоставленный больницей, подошел к концу, и Линь Мао вернулся к работе.

Спустя несколько дней, изучая медицинские карты, он неожиданно столкнулся с человеком из прошлого.

— Линь Мао... — радостно окликнул его И Цзяшэн.

Холодное лицо Линь Мао вмиг стало ледяным. Он смотрел на И Цзяшэна, не скрывая своего отвращения. Всё, что с ним случилось, было делом рук этого человека. Линь Мао не был святым, его сердце не отличалось широтой, он умел помнить зло и так же сильно ненавидеть.

Сжав губы, он сделал вид, что не слышит, и развернулся, собираясь уйти.

Гулкий удар за спиной, а затем жалобный стон.

— Прости, Линь Мао, правда, прости! Я знаю, что был неправ, тогда я просто помутился рассудком, поэтому и предал тебя. Прости меня в этот раз, хорошо? Ты ведь любишь меня? Я тоже люблю тебя, правда, я не лгал! — И Цзяшэн лежал на полу. Неизвестно, почему, но его кость была сломана, а падение с кровати на больное место причинило невыносимую боль. Его лицо, когда-то красивое и привлекательное, сейчас было серым и осунувшимся, словно у уродливого монстра, только что выбравшегося из глубокой ямы.

Линь Мао остановился и обернулся. Его взгляд, скользнувший сверху вниз, был пропитан ледяным холодом:

— Если бы извинения помогали, полицию можно было бы закрыть.

— Линь Мао, Линь Мао... — Уходящая фигура была непреклонна. И Цзяшэн в отчаянии колотил кулаками по полу, но постепенно его жаждущие внимания глаза изменились, став злыми и насмешливыми.

Линь Мао сидел в своем кабинете, держа в руках чашку с теплой водой. Он сделал пару глотков и поставил её на деревянный стол.

— Поздравляю, активирован скрытый сюжет.

— М? — Линь Мао вопросительно приподнял бровь, хотя по его лицу было видно, что он ожидал подобного.

— И Цзяшэн тайно свяжется с Цяо Юэ и сообщит ему о местонахождении Линь Мао. Цяо Юэ придет за ним, и как раз в этот момент Линь Мао, решив, что Хань Сяо просто играет с ним, в отчаянии выбросится из окна.

— Последние две фразы можно опустить, я и так знаю, что прыгну.

— Я просто стараюсь сохранить логику повествования.

— То есть в конце я погибну на глазах у Цяо Юэ?

— Именно так.

— А что потом?

— Я подал запрос Божеству романов-драм, и он был одобрен. После завершения сюжета ты сможешь действовать свободно.

— Как угодно?

— Как угодно.

Как только сюжетная линия будет пройдена согласно сценарию, мир обретет завершенность. Он больше не будет подвержен внешнему вмешательству и не породит другие неконтролируемые реальности, а значит, сможет быть полностью утилизирован.

В тот день в отделении неотложной помощи было много пациентов, и Линь Мао освободился очень поздно. Раньше Хань Сяо непременно позвонил бы и торопил его, но сегодня телефон молчал. Сидя в служебной машине, Линь Мао чувствовал тяжесть на сердце: его не покидало предчувствие, что что-то происходит.

Опасения подтвердились. Вернувшись домой, он увидел в обувном шкафу чужие туфли, и его сердце рухнуло в бездну.

Домоправителя нигде не было. Хань Сяо сидел в гостиной в очках с нулевыми диоптриями и просматривал документы. Увидев Линь Мао, он лишь холодно взглянул на него, не проронив ни

слова.

Линь Мао разулся и прошел вглубь дома. Из кухни доносились голоса. Озадаченный, он направился туда и увидел молодого мужчину, который вместе с домоправителем готовил ужин.

Почувствовав чужой взгляд, юноша обернулся. В руках у него был нож. Он помахал им, и его голос прозвучал мелодично, словно звук классического музыкального инструмента:

— Привет!

Молодой человек выглядел мягким и красивым, как сосна — в нем чувствовалась стойкость и непоколебимость, что сразу располагало к себе. Линь Мао показалось, что юноша ему знаком. Он скосил глаза на окно: в отражении виднелось смутное лицо, но достаточно четкое, чтобы понять — черты молодого человека были похожи на его собственные, или, вернее, это он сам был похож на него.

Линь Мао замер. Глубоко внутри, из самой груди, поднялось кислое чувство, скручиваясь тугими узлами. Стало трудно дышать.

Он не понимал причину, но в этот миг улыбка юноши показалась ему ослепительно яркой.

— Подожди еще немного, осталось приготовить одно блюдо, — сказал юноша, словно не замечая плохого самочувствия Линь Мао.

Линь Мао посмотрел на него: тот уже нарезал овощи и включил огонь. Домоправитель с легкой жалостью взглянул на Линь Мао и пошел помогать гостю.

Линь Мао развернулся и ушел в гостиную. Никогда еще он не чувствовал себя настолько лишним.

На столе стояли четыре блюда и суп — даже на вид они были аппетитными. Линь Мао умел готовить лишь простую домашнюю еду, и его стряпня явно проигрывала.

Он не был слеп: во время ужина юноша постоянно смотрел на Хань Сяо нежным, ласковым взглядом.

Линь Мао больше не нужно было строить догадки: юноша любил Хань Сяо.

Что касается самого Хань Сяо, Линь Мао тайком наблюдал за ним. Внешне тот не изменился, но, возможно, это было лишь его воображение — казалось, весь облик Хань Сяо стал мягче. Обычно холодный и жесткий, сейчас, в присутствии этого юноши, он словно оттаял.

Линь Мао слушал их разговор, но вклиниться было невозможно. Хотя он и не хотел говорить, быть изолированным не по своей воле — совсем другое дело. Он пытался прогнать накатывающую тоску, но всё было тщетно.

Между ними возникла атмосфера, в которую постороннему было не пробиться. Линь Мао безвкусно жевал еду.

Вдруг в его тарелку положили кусок мяса. Линь Мао проследил за направлением палочек: это был тот самый юноша, Му Фэй, который представился ранее.

— Не ешь одни овощи, поешь мяса. Посмотри, какой ты худой. Хань Сяо, не подумай, что я лезу не в свое дело, но раз уж вы живете вместе, ты должен лучше заботиться о нем. Тот, кто не

знает, подумает, что ты его тиранишь.

Му Фэй сказал это в шутку, но оба собеседника замерли. Му Фэй заметил странную реакцию на их лицах и подшутил:

— Неужели твои старые привычки никуда не делись? Все еще любишь распускать руки?

— Ешь быстрее, время позднее, я попрошу водителя отвезти тебя, — Хань Сяо не хотел развивать эту тему и поторопил Му Фэя.

Улыбка Му Фэя слегка дрогнула, но он притворился безразличным:

— А насчет завтрашнего дня — ты согласен?

— Завтрашние дела обсудим завтра, — Хань Сяо заметил, что Линь Мао почти перестал есть, и его лицо помрачнело.

Му Фэй рассмеялся:

— Хорошо, тогда свяжусь с тобой завтра.

Остаток ужина прошел в тишине. После еды Му Фэй хотел убрать посуду, но Хань Сяо остановил его, сказав, что машина уже ждет. Му Фэй выглядел разочарованным.

У входа, надевая туфли, он обернулся к Линь Мао:

— Мне кажется, ты неплохой человек. Как-нибудь позови меня погулять.

Проведя с ним немного времени, Му Фэй понял характер Линь Мао. Он считал, что такие люди не станут ему конкурентами. Когда-то он сам оттолкнул Хань Сяо, но теперь, вернувшись и всё обдумав, он решил, что то, что принадлежит ему, должно оставаться его.

Хань Сяо шел впереди, поэтому не заметил, как Му Фэй, выйдя за дверь, вдруг обернулся. Его улыбка больше не была мягкой — в ней сквозило высокомерие и презрение.

Дверь медленно закрылась. Линь Мао постоял немного, затем его выражение лица изменилось — он равнодушно отвернулся. Захотелось пить, он налил стакан холодной воды.

Выпив всё залпом, Линь Мао поставил пустой стакан на журнальный столик и опустился в диван, почти утонув в нем.

Из кухни доносился звон посуды. Линь Мао включил телевизор, переключив на канал с аниме. В это время дня мультфильмов про медведей уже не было, показывали историю про овец и волка.

Линь Мао смотрел на экран с безразличным лицом.

— Прогресс.

— Общий прогресс 80%, частный 20%. Завтра кульминация: ты должен в совершенстве разыграть сцену, в которой видишь любимого человека с другим, чтобы сюжет считался завершенным.

— Объясни, что значит в совершенстве?

— В смысле, страдать и рваться из кожи вон.

— Можно более литературно?

— Не умею.

На правой странице Сяо Хуан Шу появился жалобный смайлик.

— Твой «белый свет» на тебя очень похож, только он подделка.

— Наоборот, это я подделка.

— Нет, всё верно. Твоему «бывшему» нравится «Линь Мао», просто он пока не разобрался в своих чувствах. К тому моменту, как он поймет, что «Линь Мао» важнее, ты уже будешь мертв.

— Ха, забавно.

— Еще бы! Ведь великий автор романов-драм...

— Прекрати, мне она пока не интересна.

— У-у-у, ты так ранишь мою душу, бессердечный!

— Вынь её, дай посмотрю.

— Думаешь, я как ты?

— А что со мной не так?

Сяо Хуан Шу умолкло. Оно не могло забыть, как в прошлом мире Линь Мао вырвал собственное сердце — это было до жути кровавое зрелище. Хотя тело было создано им и не чувствовало боли, плоть, кости и кровь были настоящими.

Когда холодный, лишенный жизни взгляд Линь Мао упал на Сяо Хуан Шу, оно вздрогнуло. Быть куратором такого безумного персонажа — тяжелый труд. Вернувшись к Божеству, оно обязательно попросит утешения для своей хрупкой души.

Ночью, в полудреме, Линь Мао почувствовал тяжесть на теле. Обжигающие поцелуи осыпали его шею. Он дернулся, но обнаружил, что руки связаны ремнем над головой. Мужчина действовал стремительно, его поцелуи становились болезненными, почти укусами. В местах прикосновений пульсировала боль, и тело Линь Мао инстинктивно задрожало от страха. Он попытался вырваться, но в ответ получил лишь еще более властное и жесткое подавление.

В темноте Линь Мао не видел лица, но эти глубокие темные глаза, полные странного блеска, казались глазами хищника, готового разорвать его на части и поглотить.

Затем нахлынула знакомая боль — точно такая же, как в ту самую первую ночь.

На следующее утро Линь Мао проснулся рано. Стоило ему пошевелиться, как нижнюю часть тела пронзила острая боль. Он повернул голову — рядом никого не было. Он ощупал простыню — холод. Хань Сяо уже давно встал и ушел.

Линь Мао дошел до ванной и включил ледяной душ. Внутри него всё еще оставалось семя Хань

Сяо. Линь Мао, упершись лбом в холодный кафель, начал беззвучно смеяться, но вскоре смех перешел в рыдания.

Он с таким трудом осознал свои чувства — пусть это назовут мазохизмом или стокгольмским синдромом, но его тело уже сдалось Хань Сяо. Он принял свою судьбу и хотел просто жить с ним дальше. Но почему? Почему слова Хань Сяо о любви оказались ложью?

Линь Мао не понимал. С израненным сердцем он всё же отправился в больницу. Он не женщина, чтобы предаваться меланхолии, поэтому ему приходилось притворяться, что всё в порядке, и усердно работать.

Коллеги, видя его бледное лицо, спрашивали, не случилось ли чего, и предлагали помощь. Линь Мао лишь качал головой — никто не мог ему помочь.

И Цзяшэн продолжал преследовать его, словно решив во что бы то ни стало вовлечь Линь Мао в свои дела. Даже если тот игнорировал его, И Цзяшэн, хромая, таскался за ним, как муха, не желая уходить.

Линь Мао было не до него, но со стороны казалось, что между ними действительно что-то есть. Когда Линь Мао узнал об этих слухах, было уже слишком поздно.

Закончив работу, Линь Мао возвращался домой. Не доезжая до ворот, он увидел впереди двух людей. Он попросил водителя остановиться. Ему следовало бы отвернуться, но глаза не слушались.

Это были Му Фэй и Хань Сяо. Они о чем-то спорили, и вдруг Му Фэй схватил Хань Сяо за одежду и поцеловал его в губы. Хань Сяо не отстранился.

С того ракурса, под которым смотрел Линь Мао, это выглядело как молчаливое согласие.

Так кто же он такой? Замена? Теперь, когда оригинал вернулся, пора ли ему убираться?

Внутренне опустошенный, Линь Мао развернулся и побежал прочь. Он бежал, не слыша, как кто-то окликает его сзади.

Выбившись из сил, он остановился у бара. Не заботясь о том, есть ли у него деньги, он ворвался внутрь.

Хань Сяо, преследовавший его, увидел, как Линь Мао зашел в бар, и его лицо стало еще мрачнее.

Он вошел следом. Внутри мигали огни, гремела оглушительная музыка. Хань Сяо искал его в толпе. Линь Мао выделялся среди других, и Хань Сяо быстро нашел его, но в следующую секунду его зрачки сузились.

Линь Мао держал бутылку и жадно пил, а какой-то незнакомый мужчина обнимал его за плечо и что-то нашептывал, улыбаясь сальной улыбкой.

Хань Сяо прорвался сквозь танцующую толпу, одним шагом оказался рядом, схватил мужчину за шиворот и, под удивленными взглядами, с силой бросил через плечо.

Тяжелое тело с грохотом рухнуло на пол, опрокинув соседние столы. Посетители в испуге попрыгали с табуретов, чтобы не попасть под горячую руку.

Музыка продолжала играть, но все, кто видел, как Хань Сяо расправился с обидчиком, замерли. На нем был дорогой темный костюм, идеально подчеркивающий его высокий, почти двухметровый рост. Он выглядел как модель, сошедшая с подиума. Женщины смотрели на него с восхищением, мужчины — с завистью.

Они начали гадать, почему такой статный красавец решил вмешаться, пока он не направился к определенному месту.

Хань Сяо было плевать на их мысли. Его волновал только пьяный Линь Мао. Видя, как тот пьет алкоголь, словно воду, Хань Сяо почувствовал, что его с трудом сдерживаемая жестокость вновь берет верх.

Вырвав бутылку из рук Линь Мао, Хань Сяо притянул его к себе. Тот, пошатываясь, рухнул ему в объятия. Поняв, что это Хань Сяо, Линь Мао начал яростно пинаться.

Хань Сяо не хотел спорить с пьяным. К тому же, раскрасневшийся Линь Мао с блестящими от слез глазами и надутыми губами выглядел так привлекательно, что многие взгляды были прикованы к нему. Это вызвало у Хань Сяо приступ ревности. Он накинул на голову Линь Мао свой пиджак и, обняв его, быстро покинул бар.

Запихнув Линь Мао в машину, он сел рядом. Дома он набрал ванну, вымыл его, вытер и, уложив в постель, обнял и уснул сам.

Линь Мао смотрел на мужчину рядом: резкие черты лица, волевой подбородок, плотно сжатые губы. Сколько бы он ни смотрел, приходилось признать — Хань Сяо был невероятно красив, рожден для того, чтобы им восхищались. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он влюбился, даже после такой жестокости.

Но зачем было лгать? Потому что его легко обмануть?

Имея в сердце другого, он продолжал нежно шептать слова любви. Слово «люблю» стало таким дешевым.

Сильная рука мужчины всё еще лежала на его талии. Линь Мао чувствовал горечь, словно проглотил целую гору полыни. Он хотел уйти. Он не хотел больше видеть ничего подобного вчерашнему дню. Это выставляло его жалким клоуном.

Убедившись, что мужчина спит, Линь Мао осторожно убрал его руку. Босиком он выбрался из постели, стараясь не шуметь, открыл шкаф, переоделся и направился к выходу. Но у самой двери его охватило нестерпимое, мучительное нежелание уходить.

Это был второй человек в его жизни, которого он полюбил, и, вероятно, станет единственным. Что касается И Цзяшэна, одно его присутствие вызывало у Линь Мао отвращение.

Линь Мао обернулся, чтобы взглянуть на мужчину в последний раз, но его дыхание перехватило: Хань Сяо, который только что спал, теперь открыл глаза и мрачно смотрел на него.

Линь Мао охватил ужас. Он боялся Хань Сяо в таком состоянии. Каждый раз, когда тот смотрел так, его ждали невыносимые муки.

Но ноги не слушались. В голове кричало: беги, скорее, сейчас же!

Однако он не мог сделать ни шагу.

<http://bllate.org/book/22143/2307063>